

Евгения Коньшина

16+

Встреча

Евгения Коньшина

Встреча

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Коньшина Е. Г.

Встреча / Е. Г. Коньшина — «ЛитРес: Самиздат», 2017

В каждом человеке существуют три составные "личности": Ребенок, Родитель и Взрослый. Главный герой – не исключение. Однако его деспотичный Родитель сильно не в ладах с затравленным Ребенком, что настолько сильно портит Вячеславу Лисицыну характер и жизнь, что помочь смогут только решившие экстренно вмешаться Небесные Силы...

Пролог. Начало

...Тьма... Тихая вожденная тьма, сладкое чувство полной удовлетворенности и безмятежности при абсолютном отсутствии чьих-либо чужих требований... Кажется, что так было всегда, и это блаженное состояние будет длиться вечность... до тех пор, пока мой всепоглощающий покой и уют безжалостно не рвет в клочки пронзительный звон будильника.

«Дзынь!» – жалобно ответила проклятая машинка на мой гневный спросонья удар кулаком.

«Утро... Еще одно гребанное утро этой гребанной жизни... Ненавижу».

Кое-как заставив себя встать, я в дурном настроении побрел в ванную. Пока я монотонным движением чистил зубы, из зеркала на меня пялилось мое отражение – угрюмый тип с полным пены ртом, двухдневной щетиной, взлохмаченными волосами и недобрый взглядом...

Противный осенний дождик моросил и добавлял уныния плетущимся на работу горожанам в это тоскливое утро понедельника. Хмурый Вячеслав стоял на тротуаре и ждал разрешающего сигнала светофора, который как обычно барахлил. Поняв наконец, что красный свет не собирается сменяться зеленым, Вячеслав с досады сплюнул и попытался перейти дорогу так.

Светозар был начеку. Он с самого рождения всюду следовал за Вячеславом. Как Ангел-Хранитель, он отвечал за жизнь и здоровье, а также за душевное устройство своего подопечного и очень любил его, хотя тот о его существовании и не подозревал. Более того, чаще всего Светозар в «благодарность» за свое бескорыстное служение видел лишь одно за другим нравственные падения своего бедного человека. Вот и сейчас, привычным движением подтолкнув Вячеслава в спину и не дав ему попасть под несущуюся «Ауди», он с болью в сердце услышал в очередной раз отборную гневную ругань из уст спасенного в адрес водителя...

«Обласкав» укурка на «Ауди», я в сквернейшем расположении духа двинулся дальше. По дороге в офис я заметил на углу бомжа, тянувшего грязную руку. «На водку кланчит, алкаш», – подумал я и прошел, разумеется, мимо.

Светозар шел за Вячеславом.

– Он стал у тебя таким немилосердным.

Ангел обернулся и увидел Николая – своего «коллегу» и близкого товарища, гостившего в ту пору за землей.

– Да, стал, – грустно ответил Светозар. – Раньше он был гораздо добрее.

– Ты же знаешь, что ждет его, если ничего не изменится.

Светозар прекрасно знал. Он глядел в спину своему подопечному, на глаза его навернулись слезы.

– Николай, я не справляюсь. Он не хочет. Он даже не пытается захотеть... Я не знаю, что мне делать.

– Я тоже долго думал о твоей беде. Знаешь, есть одно средство... – Николай в задумчивости остановился. Светозар в ожидании смотрел на него.

– Есть одно средство, только наверху могут не разрешить, очень уж оно радикальное.

– Но ведь у тебя есть дар убеждения, ты же можешь их уговорить? Прошу, Николай, сделай это, хотя бы попробуй!

Николай взглянул в глаза друга, с трепетной надеждой державшего его за руки, и, решившись, сказал:

– Ладно. Я попробую.

ЧАСТЬ I

Глава 1. Первая встреча

Тьма... Тихая вожд...

ДЗЫ-И-И-ИНЬ!!!

Опять будильник. Опять проклятое утро...

Кровать мерзко скрипела подо мной, пока я, сидя с закрытыми еще глазами, пытался ногой найти под ней тапок. Как назло, он забился в самую глубь, пришлось на четвереньках лезть за ним. Кипяток из чайника брызнул и больно ошпарил мне палец. Шнурок ботинка порвался в самый неподходящий момент, наплевав решительно на то, что его хозяин сейчас опоздает на работу и получит от начальства взбучку. ЭТО утро нравилось мне все меньше и меньше...

– Дядь, у тебя шнурок порвался!

Я с удивлением поднял глаза. Передо мной стоял белокурый мальчуган лет пяти, в забавной полосатой кофте и синих кроссовках. Он смотрел на меня выжидающе, думая, очевидно, что сообщил мне крайне неожиданную новость.

– Я вижу, спасибо, – сказал я, чтобы сказать хоть что-то, поднялся и вернулся в квартиру поменять шнурок.

Выйдя, я снова наткнулся на него.

– Тебе чего надо, малыш? Где твоя мама?

– Не знаю, – ответил он без тени смущения. Я огляделся по сторонам, заглянул на верхний и нижний этажи – и никаких признаков присутствия взрослых не заметил.

– Так, ладно, пацан, мне на работу пора, ты сиди тут и никуда не ходи, ясно?

Поняв сразу, что это – безумие, оставлять пятилетнего ребенка одного в подъезде на восемь часов, я позвонил в ближайшую дверь и попросил открывшего полусонного соседа присмотреть за малышом.

– За каким малышом? Где он?

Обернувшись на сей недоуменный вопрос, я с изумлением обнаружил, что пацан как сквозь землю провалился.

Извинившись перед соседом, я в замешательстве поспешил на работу...

– Так ты считаешь, сработает?

– Должно сработать, если он у тебя не совсем одеревеневший. Видишь, в подъезде не захотел оставить – надежда есть...

Я позже обычного вернулся домой. Взбучку я все же получил, но не за опоздание, а за чужую халтуру, что было особенно обидно. Еле волоча ноги от усталости, я, как был в обуви, побрел к холодильнику и достал пиво. Пшикнула открытая банка, горло смочил первый восхитительно-освежающий глоток, дверца холодильника, не закрытая забывшей про нее в блаженстве рукой, захлопнулась сама, представив моему боковому зрению вид на кухню и на кое-что еще...

– Дядь, ты в ботинках стоишь!

Пиво произвольно брызнуло у меня изо рта на немногочисленные магниты.

– Чего?!

– Ты в ботинках стоишь. На кухне.

Он выглядел точь-в-точь как накануне. Казалось бы, за целый день он мог хотя бы испачкаться и просто немного подустать. Но он был бодреньким, словно сейчас часы показывали десять утра, а не вечера.

– Откуда ты взялся, пацан? Где твои родители? Что ты делаешь в моей квартире?!

Тут я сообразил позвонить в полицию. Ребенок внимательно следил за тем, как я торопливо набираю номер телефона участкового. Судя по его взгляду, он не считал мою идею такой уж гениальной.

– Дяденьки полицейские меня здесь не найдут. Я опять исчезну.

Не знаю, как я не выронил телефон. Я медленно повернул голову и пристально взгляделся в него. Подспудно пришла мысль: «Кого-то он мне напоминает...» Отчего-то я отлично знал, что он говорит правду, и твердо решил, что это сказывается длительный стресс и отсутствие отдыха. Мгновенно сделав надлежащий вывод, я резко встал и строевым шагом двинулся срочно высыпаться. На пороге комнаты я не сдержался и обернулся. Легкий стон вырвался у меня, когда я узрел пустую кухню...

Утро застало меня, как был, в ботинках. С некоторым удовлетворением заметив, что сегодня не придется тратить время на борьбу со шнурками, я лениво поплелся в ванную, со смешком вспомнив вчерашнее происшествие. Чистя зубы, я зачем-то (не раз кляня себя в дальнейшем за это бессмысленное и неуместное движение) обернулся и так и застыл с щеткой во рту...

– Хи-хи, ты такой смешной!

Наверное, я действительно выглядел со стороны довольно нелепо. Не меняя позы, я устало прикрыл глаза. В мозгу крутилось всего две мысли: «Как же он меня достал» и «Куда бы его деть?»

Результатом моих умственных потуг было решение о том, что ситуация мне порядком надоела, и надо бы все же сдать ребенка в полицию. Но это – после, а сейчас необходимо каким-то образом уйти на работу.

Усадив дитя в комнате на диван, я попытался ему объяснить, куда и зачем уйду, и что «пока дядя будет на работе, ты можешь посмотреть мультики или порисовать, вот тебе бумага...»

Слушая мой глупый взрослый лепет, он, глядя мне прямо в глаза, внезапно выдал:

– Ты куда меня не сдашь.

– Чт... – Я ошалело уставился на него. Чтение мыслей – это уже слишком...

– П... почему не сдам?.. Кто ты???

– Я – это ты, – спокойно ответил ребенок. Я не обратил должного внимания на эту фразу.

– Кем бы ты ни был, мне надо на работу, слышишь?! – нервно крикнул я, метнув взгляд на настенные часы.

– Да иди ты уже на свою работу, что её, отнимает у тебя кто-то? – удивленно пожал плечами малыш. Поняв вдруг, что меня, оказывается, без проблем отпускают на все четыре стороны и удерживать не собираются, я поспешил воспользоваться случаем.

– Ах, так... Ладно, ладно... Сиди, не шевелись... Сейчас я... – Я боком вышел из квартиры и стремглав бросился вниз по лестнице. По пути я вспомнил, что не взял сумку и не закрыл квартиру, пришлось вернуться. Так же резко вбежал домой, зажмурив глаза, чтоб не видеть его, на ощупь схватил сумку и хлопнул дверью, все время чувствуя, что он смотрит...

Глава 2. Знакомство

– Я – это ты, а ты – это я, ля-ля-ля, – вот уже полчаса, покачиваясь из стороны в сторону, пел ребенок чуть мне не в ухо. Он здорово действовал мне на нервы.

– Я – это ты... А чего он со мной не говорит? – обиженным тоном вдруг спросил мальчишка, обратившись к кому-то.

Светозар с любовью посмотрел на малыша и ответил ему:

– Это потому что он ещё не готов. Погоди, дай ему немного времени.

– А сколько? – поинтересовался ребенок.

– С кем ты там общаешься? – сурово спросил я. Детской шизофрении мне ещё не хватало.

– А ты его разве не видишь? – удивился надоедливый пацан.

Светозар вздохнул и произнес, глядя на хмурого Вячеслава:

– Знаешь, ты ему лучше пока про меня не говори. И про себя – поменьше...

Третий день подряд жил у меня этот несносный шкет. То есть, по совести говоря, вел он себя хорошо, даже замечательно: никуда не лез, не капризничал и имбецильными песенками доставал куда реже обычных детей. Но меня заставляло сильно нервничать то, что он до сих пор ничего толком о себе не рассказал. Единственное, что мне удалось пока выяснить, – его имя, оно было как и мое – Вячеслав, или просто Славик.

– Хм, знаешь, меня когда-то тоже Славиком называли, – усмехнулся я.

– Ух ты, здорово, мы с тобой тезки! – радостно закричал ребенок, не ведая о том, что меня этот факт осчастливил в гораздо меньшей степени, чем его.

– А фамилия твоя как, знаешь?

Шкет задумался.

– Л... Ли-си-цын, кажется, так.

Я широко заулыбался.

– Не-е, парень, ты ошибаешься, Лисицын – это я, Вячеслав Лисицын. Ты Лисицыным быть не можешь. Вспоминай-ка, как твоя фамилия?

«Когда это он успел заглянуть в мой паспорт?! Надо бы документы получше спрятать...»

– Но я Лисицын, – настаивал мальчишка. – Слава Лисицын.

Его растерянный вид не предвещал ничего хорошего.

«Тэ-экс, ну, предположим, что он ещё и мой однофамилец... Пускай будет так».

Хотя мой разум решил для себя эту загадку довольно прочно, сердце, вернее, задняя точка организма советовала про отчество все же не спрашивать...

На другие вопросы, касавшиеся его самого и его родителей, он предпочитал либо не отвечать вовсе, либо ловко переводить разговор на другую тему.

Попытки найти информацию о нем в интернете также ни к чему не привели.

Вообще, это был довольно странный мальчуган. Выглядя внешне, как вполне нормальный ребенок, он отличался слишком спокойным для своих лет поведением: вместо того, чтобы активно изучать окружающий мир, лазая куда следует и не следует, он почти все время находился около меня, наблюдая за моими действиями и стараясь заглянуть в лицо, словно ждал от меня чего-то. На мои старания узнать, чего же именно, он лишь молчал и иногда улыбался.

Отдельным пунктом следовало бы отметить кормление, точнее, полное его отсутствие. После знакомства пройдя на кухню, я вдруг страшно захотел съесть на ужин здоровый самодельный сэндвич, напихав в него все, что было на тот момент в холодильнике: толстый кусок бекона, пару листьев салата, сырный ломоть, ещё бекон, половинку соленого огурца, салат... Щедро приправив эту начинку майонезом и горчицей и сдавив её двумя булками белого хлеба,

я пошире раскрыл рот, привычно заприметив боковым зрением появление своего маленького наблюдателя. Вдруг как молния – мысль...

– Почему ты ещё ни разу не попросил кушать? Хочешь? – Я понял, что держу в руках не самый лучший продукт для детского питания, и тут же поправился: – Давай-ка сходим в магазин и купим тебе что-нибудь...

– Я не хочу, – ответил он. Я удивился:

– Как – не хочешь? Все нормальные детки хотят кушать.

– Я – не все, – сказал он и впервые смутился. Я решил о греха подальше не развивать тему и спросил:

– Ну, а что же ты, голодный ходить будешь?

– Ты не понимаешь, – с доброй, снисходительной улыбкой объяснил мальчик. – Ты когда кушаешь, я сытым бываю. Ты поешь, и мне тоже хорошо будет.

Он говорил таким спокойным и убедительным тоном, что в это сразу верилось, но все же мне было совестно есть одному. С другой стороны, не мог же я насильно накормить его. Сам он буквально уговаривал, чтоб я поел. В конце концов я решил:

– Ладно, сейчас я перекушу, а потом – живо в магаз тебе за хавчиком!

– Ты кушай, кушай, – поддержал меня малыш.

Сэндвич оказался до того вкусным, – или я оголодал, – что в две минуты был уничтожен. Я взглянул на своего тезку-однофамильца и обомлел: прищурившись от удовольствия, как сытый котенок, он облизывал пальцы, неведомо как оказавшиеся вымазанными в майонезе... Поход в магазин был отменен.

Ложась спать, я подумал о том, что постепенно начинаю привыкать к странному гостю и вроде бы даже готов смириться с его существованием.

А утром он исчез. То есть, не появился. Я с удивлением почистил зубы в полном одиночестве, позавтракал, не ловя на себе ничего внимательного взгляда...

Выйдя на лестничную площадку и закрыв дверь, я с шумом выдохнул. Три дня пробыл у меня этот чудной детеныш, освободив, наконец, на четвертый от своего общества. Как я надеялся, навсегда...

Глава 3. Отрицание

На следующее утро он также не появился. Дополнительно поднимало настроение осознание того факта, что сегодня – пятница, день, который в силу своей укороченности обычно пролетает незаметно и в конце которого можно как следует расслабиться после прошедшего недельного безумия...

Светозар из всех сил тщетно пытался схватить, удержат за руку своего подопечного человека, оттащить его с пути, который регулярно приводит его в бар. «Не ходи ты туда!!!» Но Вячеслав лишь почесал ухо да пригладил волосы, подумав, что это легкий ветерок чуть дунул. Стеклопанная дверь бара закрылась за ним.

Хранитель отчаянно опустил голову и тут почувствовал, как кто-то ободряюще похлопал его по спине.

– Не грусти, дружище, – с улыбкой произнес добрый Николай и подмигнул. – Вот увидишь, сегодня он выйдет оттуда пораньше.

В баре было как всегда шумно и весело. В одном углу футбольные болельщики за большими кружками пива смотрели пятничную игру, в другом собралась молодежная компания. Играла громкая музыка. Я сидел за стойкой на своем любимом месте и готовился принять

лучшее в мире лекарство от всех стрессов и депрессий – двойной виски со льдом. Есть что-то эстетичное в дорогом качественном виски, это не водкой нажираться, как алкаш... В конце концов, разве не для того я вкалываю целых пять дней, чтобы на два оставшиеся позволить себе достойно отдохнуть!

Один из моих соседей по стойке с хохотом начал рассказывать приснившийся сон, в котором он гонялся за тремя черными поросятами, а четвертая хрюшка, сидя на нем, сверху голосом Мадонны орала серенады.

«Чего только не привидится!» – благодушно заключил я, посмеиваясь над его рассказом и над своими собственными недавними приключениями.

Два дня не достает меня этот шкет, два дня полной свободы, счастье, кайф!

Виски во рту перекатывается с крохотным кусочком льда. Пик наслаждения...

Проглотив порцию виски и смакуя послевкусие, я стал поворачивать голову в сторону экрана с футболом и неожиданно узрел на соседнем стуле своего пацаненка...

Чувствуя сильное разочарование и все еще не желая верить глазам, я молча поднес виски к губам и глотнул. Маленький Славик, глядя на меня, поморщился:

– Фу-у, зачем ты пьешь эту гадость?

– Ты что тут делаешь? – холодно спросил я.

– Ничего, с тобой болтаю, – ответил он и посмотрел вбок. Я проследил за его взглядом и встретился глазами с барменом.

– Все в порядке? – спросил тот.

«А разве ты не в...» – Сама мысль оборвалась, когда я обратил внимание на зеркальную стену позади него. В ней я отражался один, не считая спины бармена и прочих взрослых посетителей. Стараясь не двигаться слишком заметно, чтоб избежать лишних подозрений, я скосил глаза и увидел сидящего слева от меня мальчишку. Взгляд прямо – зеркало, в котором, кроме меня, бармена и завсегдатаев, никого. Снова влево – шкет. Снова прямо – зеркало, один... Зажмурившись на секунду, я широко раскрыл глаза и резко развернулся всем телом, молясь внутренне, чтобы это был обман зрения. Но нет: маленький упрямец по-прежнему оставался на своем месте, с интересом наблюдая за моими действиями. Выходит, я единственный, кто видит его...

Я в последний раз перевел взгляд на зеркало. Ошибки не было: часть помещения за ним прекрасно отражалась, его же самого в этой картине не было, был лишь я, побледневший и испуганно уставившийся перед собой. Холод прошел по моей спине.

– С вами все хорошо? – отвлек меня голос бармена. Он был обеспокоен и явно решил мне больше не наливать. Я на секунду представил себе, как, наверное, странно выглядело с его стороны мое поведение, и нервно прыснул.

– Знаете, я, пожалуй, перебрал сегодня, – ответил я, несмотря на то, что успел принять всего-навсего пару стопок. – Пойду-ка я домой... – Я поспешил ретироваться, пока меня окончательно не приняли за сумасшедшего. Выходя из бара, я всеми силами старался не смотреть на ребенка, неотступно шагавшего рядом.

К дому я не пошел, а свернул и двинулся куда глаза глядят. Так, гуляя по вечернему городу и ежась от прохладного ветерка, я постепенно успокоился, и на смену испугу пришла досада: проклятый шкет испортил мне пятничное отдохновение!

Решив так просто не сдаваться, я набрел на круглосуточный магазинчик и взял себе три бутылки крепкого темного чешского пива. На слабые протесты мелкой галлюцинации (в баре я четко убедился, что он – плод моего воображения) я не реагировал, ровно как и на его присутствие вообще. Я пришел к мысли, что, если не обращать на него внимания, то через некоторое время он сам исчезнет, и собрался проверить свое предположение. Я сел на тротуар и стал методично напиваться.

Когда последняя бутылка была осушена, я посмотрел перед собой. Моему мутному взору предстал маленький человечек, видимо, ожидавший, когда я, наконец, встану и поведу его домой. Волна негодования поднялась внутри меня.

– Шиш тебе, а не дом! – раздраженно прикрикнул я на него. – Убирайся туда, откуда пришел, чертов призрак!..

– Я не призрак, – тихо ответил он. Был бы я трезвее, подивился бы его самообладанию. – Я – это ты...

– Зарядил, как пластинка: я – это ты-ы, – злобно сплюнув, передразнил я его. – Ты рушишь мою жизнь, ты не даешь мне отдохнуть нормально, смотришь за мной, чего-то ждешь... Чего ты ждешь, что тебе надо?!!

– Ничего мне не надо, – обиженно хлопнул мальчуган.

– Ну и иди тогда, чего пристал! Найди себе другую няньку, мамку какую-нибудь одинокую, ей больше счастья будет!..

– Ты меня прогоняешь? – жалобно спросил он. – Но ведь я – это ты...

– Я ненавижу себя, – пробормотал я и тяжело опустил голову на колени. Некоторое время сидел так, не слыша ответа. В ушах сильно шумело. Наконец, думая, что малыш исчез, я поднял взгляд. Он был на месте, и что еще хуже, похоже, собирался заплакать.

– За что ты меня ненавидишь? – тихо спросил он, когда наши глаза встретились.

– Не тебя, а себя, дурень, – невесело усмехнулся я.

– Но ведь это одно и то же! – вдруг закричал ребенок. – Ведь я – это ты!!! – И в слезах пустился бежать. Я его не стал догонять, лишь проводил взглядом. Оно и к лучшему, зачем этому доброму мальчику такой законченный мерзавец, как я...

Вздохнув и снова уронив голову, я, кажется, задремал. Во всяком случае, не сразу разобрал, что неясные звуки, доносившиеся извне, были детским плачем.

Я оторвался от колен. Зареванный малыш сказал:

– Я не могу от тебя убежать. Не получается.

Мне стало очень жаль его. Ругая себя мысленно, что зря обидел ни в чем не повинного мальчонку, я с трудом поднялся, взял его за руку и нетвердым шагом повел домой.

Глава 4. Проблема зреет

Выходные прошли довольно сносно. Чувствуя вину, я старался уделять ребенку побольше внимания, не думая особенно, к каким последствиям это приведет. Славик очень быстро простил меня, практически на следующее же утро он уже глядел сочувственно, как я пытаюсь справиться с похмельем. Казалось, этому мальчонке совсем не свойственна никакая злость или обидчивость, любой другой ребенок на его месте за вчерашнее поведение люто возненавидел бы меня или, по крайней мере, потерял бы ко мне всякое доверие.

Утром в понедельник Славик, как обычно, проводил меня на работу, оставшись дома. Вернее, я так думал – что он во время моего отсутствия сидит дома. Я хотел так думать...

Однако дальнейшие события показали полную бессмысленность моей надежды.

Начальник вызвал меня на ковер, чтобы распечь за допущенную в расчетах ошибку.

– Ты хоть понимаешь, во сколько обойдется фирме твоя безалаберность!! – Кидаюсь громкими фразами, Павел Игоревич имел обыкновение сверлить провинившегося глазами.

«В две-три тысячи, не больше... И уж никак не долларов», – мысленно успокаивал я себя. Ну, вычтут из зарплаты – никто ж не умер... Деньги фирма действительно теряла совсем небольшие, директора больше волновал вопрос дисциплины.

В пол-уха выслушивая что-то о своей компетентности, ответственности, усердии и прочей чепухе, я изучал китайские иероглифы на стилизованном настенном календаре, потом – резные ручки на дверцах шкафа и гадал о том, что эти дверцы могли бы скрывать...

– Лисицын, смотри на меня, когда я с тобой говорю!

Я повернул на окрик голову и остолбенел... Из-за мощной спины моего разгневанного начальника с любопытством выглядывал маленький Славик. Я испугался, что он сейчас чего-нибудь отчебучит. Словно читая мои мысли, шкет озорно улыбнулся. Я сглотнул.

– ...и теперь из-за тебя вынуждена страдать вся фирма!.. Кого ты там увидел? – Отвлечшись, Павел Игоревич обернулся и, не найдя позади себя ничего, кроме окна с видом на дорожную магистраль, вновь обратил взор на меня.

– Лисицын?..

Усилив воли заставив себя перевести взгляд на начальника, я пробормотал, что слушаю его, что весь во внимании...

Повисло молчание. Ребенок, к счастью, бездействовал, передумав, видимо, подставлять меня. Я ждал. Директор испытующе смотрел на меня. Наконец он сказал:

– Слушай, Лисицын, а тебе не пора в отпуск?

Видимо, я действительно паршиво выглядел, раз наш горячо любимый и глубокоуважаемый Пал-Игрыч сам (!!!) предложил такую идею.

– Только учти, прямо сейчас я тебя отпустить не могу, у тебя проект для «Интермаш» не просчитан ещё. До конца недели управишься? Все, ступай. Напиши там заявление на десятое число...

На пороге при выходе из директорского кабинета со мной случилась заминка. Надо было как-то незаметно пропустить Славика вперед, но упрямому мальчишке, похоже, доставляло удовольствие продолжать стоять у окна и испытывать мое терпение. Я уже спешно прикидывал, как намекнуть ему глазами, что пора идти, как вдруг на ум пришла спасительная мысль о том, что, раз уж он есть лишь в моей голове, то и дверей ему не нужно: он будет всегда там же, где и я.

– Ты чего застыл? – удивленно спросил Павел Игоревич.

– Простите, задумался... – Я прикрыл за собой дверь и, повернувшись, как и ожидал, встретился взглядом с улыбающимся ребенком. Мгновенно вслед за чувством облегчения при таком простом выходе из неловкой ситуации неприятно резанула мысль о том, что все это мне не снится, и я действительно испытываю настоящую зрительную и слуховую галлюцинацию.

За работой я, как мог, старался не замечать мальчика. Когда я впервые сел за компьютер и открыл программу, он восторженно воскликнул:

– Ух ты, ты сейчас будешь работать!

Я не ответил. Сосредоточившись как следует, я принялся рассчитывать толщину и диаметр труб, которые бы подошли для нужд «Интермаш».

– А что ты делаешь? Кем работаешь? – начал выпытывать неутомный Славик.

– Я – инженер, – тихо ответил я, не глядя на него. Я надеялся, что он отстанет, если я удовлетворю его любопытство. – Я рассчитываю и предлагаю трубы для заводов. И, между прочим, ты должен бы, по идее, знать, чем я занимаюсь, ведь ты – это я, – съязвил я и мельком посмотрел на него. Особенных признаков смущения он не показал.

– Да я знаю, чем ты занимаешься, просто хотел поболтать.

Чувствуя легкую досаду, я промолчал.

Через четверть часа малыш заскучал.

– Когда мы пойдем домой? – заканючил он. Я вздохнул.

– Когда я закончу проект...

– Слав, ты там сам с собой что ль общаешься? – крикнул мне через стол коллега Кирюха – веселый и добродушный парень. – Слышал, тебя Пал-Игрыч вздрючил?

– Да, было немножко, – ответил я шутливым тоном и тут заметил, что у ребенка загорелись глаза.

– О-ой, сейчас с Кирюшкой поболтаем!

– Он тебе не Кирюшка, а Кирилл Бенедиктович, – процедил я сквозь зубы.

– Чего-о? Ты кого Бенедиктовичем назвал?? – захохотал Кирюха. Этот прохвост обладал удивительно чутким слухом – но только лишь насчет того, что его действительно интересовало.

– Да я не про тебя, я про другого вспомнил... – попытался я перевести разговор с опасной темы.

– До-о, разумеется, тебя в жизни окружают одни Бенедиктовичи, – забавлялся Кирилл. – Признайся, Лисичкин, ты после распекона сошел с ума и уже разговариваешь сам с собой!

«А почему бы нет?» – неожиданно мелькнула мысль.

– Да, да, конечно, я уже давно спятил, ты же знаешь! – засмеялся я в свою очередь.

– Ну вот видишь, я говорил, что плохо ты кончишь тут, дорогой друг! Добро пожаловать в наш клуб анонимных умалишенных! – И коллега, хохоча, уткнулся в экран.

«Фу-ух... Выпутался», – подумал я, чувствуя на лбу холодную испарину.

Несмотря на то, что весь день мне с горем пополам удавалось скрывать ото всех свою маленькую «проблему», как я про себя окрестил Славика (на что шкет-телепат соорудил обиженную гримасу), все же его присутствие и усилия по его игнорированию не могли не сказаться на моей внимательности: я опять сделал ошибку.

На этот раз серьезную.

Пал-Игрыч молча сверлил меня глазами. Теперь мне нечем было себя успокаивать.

– Пришло письмо от «Интермаш», – сказал он после нескольких секунд гробовой тишины. – Ты напутал с документами, и мы теряем тендер на крупный заказ.

Мне было нечего ответить. Оставалось лишь тихо проклинать несносную галлюцинацию.

– Что с тобой происходит, Лисицын? – вздохнув, устало спросил он. – Что-нибудь случилось? Ты заболел?

– Ага, пожалуй, заболел, Павел Игоревич... – Больше я и сам не знал, как объяснить свое состояние.

– Иди в отпуск. Отпускаю тебя прямо сейчас. На месяц. За проект не беспокойся: Касимов за тобой все исправит, а я с ними постараюсь договориться. Подлечись, чем бы ты ни болел, и приходи в порядке, мы будем ждать тебя.

Этот спокойный монолог, скорее всего, означал, что, если я не «вылечусь» и вернусь «не в порядке», то вполне могу быть уволен по состоянию здоровья...

Не помню, как я вышел на улицу. Немного впереди понуро семенил мальчишка. Я почувствовал мощный прилив злости.

«Это все он... Это из-за него...»

– Если бы не ты... – с гневом начал я, но он грустно перебил меня:

– Я не могу от тебя убежать, помнишь?

Вспомнив пятничный случай, я понял, что обвинять его бесполезно, и раздраженно зашагал домой, не заботясь о том, поспевают ли он за мной. Он, впрочем, попевал без труда.

Глава 5. Помощь извне: первый визит

Придя домой, я рухнул за стол и, обхватив голову руками, стал лихорадочно твердить про себя: «Ну все, это серьезно, ты понимаешь, Славка, что это серьезно?! Тебе же дурка светит, он уже влияет на твою жизнь!...»

– Ничего я не влияю, – обиженно прозвучало сзади.

– Заткнись!!! – обернувшись, заорал я что есть мочи. Ребенок испуганно захлопал глазами, а потом заплакал.

– Это я плакать должен, это меня скоро выкинут с работы и посадят в дурку, ты!..

Я вне себя от ярости сорвался с места и, хлопнув дверью, закрылся в ванной. Часа два, наверное, я стоял под душем, чтобы хоть как-то успокоиться. Наконец вода благотворно подействовала на меня, и я вышел уже в более уравновешенном состоянии.

«Однако, проблему надо как-то решать...»

Сев в кресло, я подозвал у себе Славика, хотя мальчонка вовсе не нуждался в особом приглашении: он был рядом еще до того, как я открыл рот.

– Послушай, парень, – неловко начал я, – ты меня извини, что наорал, психанул я, понимаешь? Мне нужна эта работа, чтоб кушать, чтоб тебя кормить...

По его взгляду было видно, что он и безо всяких объяснений прекрасно знал, почему я сорвался.

– Короче, так, – сказал я, решив опустить прелюдия. – Расскажи мне точно и подробно, кто ты и откуда взялся. – Я старался говорить как можно более миролюбивым тоном, надеясь, что мальчик поделится большей информацией, есть общаться с ним по-хорошему.

– Я – это ты, – принялся было ребенок за старую песню.

– Да я понял, понял, – перебил я его. – Ну ты подумай, может, вспомнишь, может, у тебя миссия тут какая есть, цель... Может, ты с другой планеты? Ты же не кушаешь, не играешь. – В голове крутились сюжеты различных фильмов про вселившихся в разум людей пришельцев...

– Ты все еще считаешь, что я – это не ты? – вновь попытался он разрушить мою стройную концепцию мира.

– Ну, конечно, мы с тобой не одно и то же, – терпеливо улыбнулся я. – Ты не можешь быть мною, ты видишь, как по-разному мы выглядим? Ты маленький, я большой...

– Но ведь ты же тоже был когда-то маленьким.

Эта его логичная фраза ввела меня в замешательство. Пока я искал, что ответить, Славик, повернув голову, как-то странно стал смотреть на висевшую на стене полку. Почуввав неладное в этом его пристальном внимании, я поднялся и подошел к полке. Стал разглядывать корешки книг, стараясь понять, какая их них и почему могла так заинтересовать его.

– Не на книгах, а за ними, – произнес малыш. Я, повинувшись чему-то внутри себя, засунул руку в полку и вынул оттуда пожелтевшую папку со старыми документами.

Светозар, держа голову ребенка и внимательно следя за действиями Вячеслава, кивнул Николаю, и тот толкнул Лисицына под локоть.

«Неряха чертов!» – ругнул я себя мысленно, выронив случайно папку и наклонившись, чтобы подобрать разбросанные листки. В руки мне попала плотная картонная карточка с надписью: «1987 год. Лисицыны в Конобеево».

«Хех, фотка из далекого детства», – усмехнулся я про себя и перевернул карточку. На ней на фоне цветущих яблонь в саду счастливо улыбались мои родители, бабушка, старший брат и я – пятилетний белокурый мальчонка в забавной полосатой кофте и синих кроссовках...

Фото было черно-белым. Но я знал, что кроссовки были синие, знал это так же отчетливо, как и то, что это фото только что поставило крест на всем моем старании не замечать очевидного...

Я резко повернулся. Славика не было. Я торопливо собрал оставшиеся документы в папку, сунул туда же злополучную фотку и закинул подальше обратно в полку, зарекшись мысленно впредь даже близко подходить к ней.

...Стакан с коньяком трясся у меня в руках, грозясь пролиться. Я сидел на кухне и силился понять, почему это происходит именно со мной, спрашивал себя раз за разом, за что мне все это...

– Гляди-ка, Светозар, он у тебя сейчас и вправду свихнется! Не помочь ли ему?

– *Разумеется, поможем, но нам и самим не помешала бы помощь. Я слышал, у тебя есть знакомый более старший Хранитель? Кажется, ты даже говорил мне, кого он хранит. – И Светозар, наклонившись к самому уху своего подопечного, прошептал: «Тебе нужен психолог».*

– Мне нужен психиатр! – сделал я вслух неутешительный вывод. – Причем, немедленно...

– *Вот что мне с ним делать, вечно он все перевирает, – вздохнул Светозар.*
– *Действуй, чего же еще!* – кивнул Николай в сторону двери в комнату.

«Интернет – вот что меня выручит!» Лазая по различным сайтам, я пытался сообразить, как отличить настоящего специалиста от шарлатана.

– *Вот эта ссылка!* – Светозар положил свою руку поверх руки Вячеслава, двигавшей мышку, и заставил его остановить курсор на строчке в поисковике, гласившей: «Тарасов Михаил Григорьевич. Психолог. Психотерапевт. Помощь в сложных жизненных ситуациях...»

Кликнув мышью, я зашел на сайт очередного психолога – некоего Тарасова Михаила Григорьевича. На титульной страничке висела фотография молодого человека с изящным лицом, аккуратно собранными в хвост длинными светлыми волосами, пронизательным взглядом поверх очков в тонкой металлической оправе и доброжелательной улыбкой. Хотя я всегда с пренебрежением относился к таким «прилизанным» товарищам, на сей раз внутренний голос подсказывал мне, что это – именно тот, кого я ищу.

– *Он, он, он, – без усталости нашептывал Светозар человеку. Николай, потянувшись, сказал:*

– *Ну, думаю, я тебе тут уже не нужен, справишься дальше сам. Встретишься с его Хранителем, – указал он на монитор со страницей психолога. – Варфоломей его зовут. Он умный, он подскажет тебе, если что. А я домой отчаливаю, у меня дел по горло... Давай, не грусти, еще увидимся!*

С чувством взяв друга за руку и глядя ему в глаза, Светозар произнес со всей благодарностью, на которую только был способен:

– *Николай... Спасибо тебе!*

В тот же вечер договорившись с «психиатром» по телефону о встрече, я уже на следующее утро стоял у двери в его кабинет. Открывший мне человек выглядел точь-в-точь как на фото, вдобавок он оказался выше меня почти на целую голову, что в совокупности с внешностью делало его очень похожим на эльфа.

– Вячеслав Александрович? Добрый день, прошу, проходите. – Голос его, казалось, был создан, чтобы располагать к себе. Он пропустил меня в свой кабинет – довольно уютную светлую комнатушку со столиком и кушеткой посередине, мягкой мебелью и приятными картинками, развешенными по стенам. На одной из стен красовались в застекленных рамках раз-

личные дипломы и сертификаты. Впрочем, моего скептицизма это пока не убавляло. Едва проснувшись утром, я подумал, что совершил вчера ошибку, будто к существующим проблемам мне теперь не хватало лишь бесцельной траты денег и времени. И, если бы не постоянные угрозы канючившего Славика до конца сломать мне жизнь, вряд ли бы я здесь появился.

Уложив меня на кушетку, «Эльф», как я прозвал его про себя, сперва выяснил общие данные, тщательно записав все в тетрадь, а после задал вопрос:

– Так что же привело вас ко мне?

– Я... – Голос мой дрогнул, и я замолчал. Я понятия не имел, как, какими фразами сообщить ему о том, что со мной происходило. Видя мое затруднение, он слегка вздохнул, снял очки и доверительным тоном сказал:

– Здесь вы можете не стесняться говорить то, что у вас на душе, это кабинет психолога, и здесь нет «правильного» и «неправильного». Моя работа заключается в том, чтобы выслушать все, что вас беспокоит, и помочь вам с этим разобраться.

Стремясь до конца развеять нерешительность с моей стороны, он улыбнулся и добавил:

– Вы же не прячете больной зуб от стоматолога?

Этот аргумент показался мне достаточно убедительным, и я все же нашел в себе смелость нетвердым голосом сказать:

– Я вижу мальчика.

Психолог непонимающе приподнял бровь, и мне пришлось расшифровывать:

– Ну, я один его вижу, понимаете? Он для меня, как настоящий, разговаривает со мной, я отвлекаюсь на него, делаю ошибки на работе... Из-за него меня скоро уволят, – закончил я подавленным шепотом.

– Хм, как любопытно, – задумчиво произнес Эльф. – Как я понимаю, детей у вас нет? И вы не женаты?

Я отрицательно покачал головой.

– А как выглядит этот ваш мальчик?

Я тяжело вздохнул.

– А это, доктор, самое интересное... – И, порывшись в кармане брюк, вытащил фотокарточку из обнаруженной наемднии папки с документами. – Вот он, в центре слева.

Проклятая карточка оказалась у меня не случайно: на том, чтобы взять ее и показать специалисту, зачем-то изо всех сил, чуть не устроив истерику, настоял ребенок.

Порядком намучившийся за это утро с упрямым подопечным, по какой-то причине никак не желавшим взять самую необходимую для излечения вещь, Светозар довольно потер руки. Тут же, в одном из кресел сидел Хранитель Тарасова по имени Варфоломей. Поза его была столь расслабленной и непринужденной, а выражение лица таким спокойным и уверенным, что для сравнения с отдыхающим на берегу моря ему не хватало лишь солнечных очков и коктейля с соломинкой в руке. Рядом с ним несколько осунувшийся Светозар выглядел усталым трудоголиком.

– Ты такой беспечный, – немного удивился Светозар.

– А чего мне за моего хлопчика бояться? Он у меня большой умница, – с улыбкой произнес Варфоломей. – Повезло мне с ним. Давай-ка лучше решать, что с твоим делать. Ваша с Николаем придумка мне понравилась, но здесь важно не потерять контроль и не навредить. Вы с Николашей не слишком опытные... О, а хочешь поднабраться умения – моему посоветовать? Не трусь, он у меня четко слушает голос совести, если что – неудачную идею отметит, да и я буду начеку.

– Правда? Ты мне доверишь? – обрадовался Светозар и обратил взгляд на разговаривающих людей: – Пока, думаю, ему советовать ничего не надо...

– *Давай, рули, как знаешь, – одобряюще скрестил Варфоломей руки на груди.*

Пока психолог разглядывал карточку, я, отвернувшись в сторону, рассказывал:

– Это моя семья в деревне в 87-м году. Мы тогда к бабушке в гости приехали... Мне было пять лет, моему брату семь, мы целыми днями носились, играли в войнушку и в пиратов, родители водили нас на речку и в лес, бабушка пекла вкусные сочники и булочки с малиной...

– Так этот мальчик в полосатом – вы и есть? – Тарасов глянул на меня из-под очков.

– Да. И этого мальчика я теперь постоянно вижу... – Не в силах продолжать, я замолк.

– Хм-м... – Он вновь перевел взгляд на фото. – А расскажите-ка, когда и при каких обстоятельствах вы впервые увидели его?

Я подробно описал события последних восьми дней, не преминув как следует пожаловаться на мешавшего мне в пятницу и на работе мальчишку. Эльф, внимательно слушавший меня, вдруг спросил:

– А сейчас вы его видите?

Оглянувшись по сторонам для верности, я с некоторым изумлением ответил:

– Нет, сейчас не вижу.

Психолог задумчиво потер подбородок.

«Что, не знаешь, что со мной? – злорадно пронеслось у меня в голове. – Так я и думал, что у тебя на стене филькины грамоты висят... А еще очки нацепил! Михаил Григорьевич...»

– Думаю, мне ясно, что с вами происходит. – Эта его фраза была для меня неожиданной: я уже мысленно распекал Славика, заставившего меня сюда прийти.

– Скажите, родители часто критиковали вас?

– Э-эм... Да не чаще, наверное, чем других детей, – растерянно сообщил я.

– Дело в том, что вы, Вячеслав Александрович, – вновь потер он подбородок, – похоже, видите своего Ребенка.

– Ну да, он ребенок, – подтвердил я.

– Нет, не так, – мягко поправил Тарасов. Сняв очки и отложив тетрадь с ручкой, он откинулся на спинку кресла и принялся объяснять:

– Видите ли, психика каждого человека устроена таким образом, что как бы состоит из трех разных частей: Ребенок, Родитель и Взрослый. Взрослый отвечает за логическое мышление, выполнение работы и достижение целей без какого-либо к ним отношения. Он находит наиболее подходящее для конкретных задач решение и действует обычно без пустых рассуждений, выбирая самый оптимальный стиль поведения и обеспечивая организму выживание.

Глотнув воды из стоящего на столе стакана, Эльф продолжил:

– В ведении Ребенка находятся наши сознательные и подсознательные желания и страхи, чувства, эмоции – такие, как гнев, печаль и веселье, с помощью которых он доносит о своих потребностях и степени их удовлетворения, а также способности к творчеству. Он открыт и непосредственен, именно он дарит нам яркие ощущения и удовольствие от жизни, но его поведение надо держать в рамках дозволенного. К этому призван Родитель – серия установок, правил, продиктованных нам в раннем детстве нашими же родителями. Голос любой самокритики – это голос нашего отца, матери или иного взрослого, который растил нас, он заставляет нас считаться с окружающим обществом ради более-менее комфортного существования в социуме. Но порой бывает так, что Родитель слишком сильно критикует Ребенка, буквально давит его и не дает самовыражаться, делая человека постоянным заложником чувства вины и, как следствие, несчастным по жизни. Вы так жалуетесь и нападаете на своего маленького Славика – не кажется ли вам, что вы просто воспроизводите поведение, которое когда-то по отношению к вам позволяли себе ваши родители?

Тарасов замолчал, глядя на то, как повлияло на клиента его объяснение. Я был несколько поражен тем, как легко и быстро он нашел ответ. Называть его «Эльфом» мне уже не хотелось.

– Так я... вижу самого себя?.. В детстве?.. И ору, как отец на меня?.. – Все это еще с трудом укладывалось у меня в голове, и все же, облеченная в слова другим человеком, данная истина уже в чуть меньшей степени пугала меня.

– Да, и в прошедшие дни вы мучились оттого, что яростно отрицали сей очевидный факт, – вновь попал в точку психолог.

– Он все время твердит, что я – это он... – Я в задумчивости повернул голову и вдруг узрел Славика. – Вот он, доктор!

– Прошу, называйте меня Михаил. Что он делает? Он что-нибудь вам говорит? – Михаил торопливо надел очки и взял тетрадь, приготовившись писать.

Мальчишка стоял молча. Я, посмотрев на него, ответил:

– Ничего не говорит.

– А если вы с ним пообщаетесь? Попробуйте, не бойтесь, – приободрил психолог, полагая, видимо, что я все еще могу опасаться выглядеть глупо.

– Слав, – позвал я. Пацан не реагировал. – Слав!

– Молчит?

– Угу.

– Но смотрит на вас? С каким выражением?

Глядя в насупленное личико Мальчонки, я разозлился и раздраженно сказал:

– Ты притащил меня сюда и не хочешь теперь говорить. Ты маленький упрямый шкет, портящий мне жизнь!..

Ребенок напрягся...

– Стоп! – громко прервал меня Тарасов. – Что вы только что сказали?

Я смущенно повторил фразу. Подняв указательный палец вверх, Михаил произнес:

– А сейчас давайте сменим формулировку. Повторяйте за мной...

– Почему я должен менять формулировку, когда сказал правду? – возмутился я.

– Потому что, во-первых, это правда лишь отчасти, да и то искаженная, – терпеливо пояснил он. – Часть вас самого никак не может по своей воле вредить вам, если только, – эти слова прозвучали более отчетливо, – вы САМИ не вынудите его защищаться. – Он многозначительно помолчал секунду и продолжил: – Ну, а во-вторых, признайтесь честно: понравилось бы вам самому, если бы к вам обратились с подобной критикой?

– Не понравилось бы, – согласился я. – Более того, я врезал бы в морду любому, кто посмел бы...

– Но ваш Ребенок, к сожалению, не может ответить вам физически, сами видите, – резонно заметил Михаил. – Итак, повторяйте за мной: Малыш, я знаю, что у нас с тобой...

– Малыш, я знаю, что у нас с тобой... – в легком смущении повторил я.

– Глядите на него, вы к нему обращаетесь, – поправил Михаил и продолжил: – ...были нелегкие отношения. Но сейчас я прошу тебя: пожалуйста, поговори со мной, скажи мне, что тебя не устраивает или беспокоит, чем я могу помочь тебе?

Повторив все слова, я выжидающе посмотрел на Славика. Шкет некоторое время молчал, потом произнес, пальцем указывая на психолога:

– Я буду говорить только с ним, не с тобой.

– Он... – начал было я, но Тарасов прервал:

– Я слышал, можете не продолжать, он общается вашими устами. Хорошо, пусть говорит со мной. – И уставился прямо на меня.

Я не знал, что делать. С одной стороны, на меня глазел исподлобья пятилетний Я, которому Бог весть что понадобилось в моей нынешней жизни, с другой – лупился во все зенки психолог, которому я должен был выдать какой-то результат.

– Вы мне ничего не должны! – прочел, видимо, Михаил мой растерянный взгляд. – Вы НИКОМУ ничего не должны, это чувство долга и вины довело вас до такого состояния!

– Док... то есть, Михаил, а это... очень серьезно?..

Поняв по моему дрогнувшему голосу, что я почти собрался надеть смирительную рубашку, Тарасов поспешил меня успокоить:

– Вячеслав, то, что с вами происходит, бывает со множеством людей... Хотя, честно говоря, я поражен, какой уникальный выход нашла ваша психика, – за все годы работы я еще не встречался с подобным способом подсознания донести о проблеме, – и все же это лечится, не беспокойтесь, до сумасшедшего дома дело не дойдет, – закончил он с улыбкой. – Итак...

– Слав, – искренне попросил я. – Ну ты же видишь, надо с доктором поговорить... Ну не молчи ты, как истукан, не трави душу, скажи уже хоть что-нибудь!

На секунду глаза Мальчика блеснули, и он собрался раскрыть рот, но затем что-то произошло, и он опять насупился – на этот раз сильнее прежнего.

– Вы, возможно, не дадите ему ответить, – предположил психолог.

– Но откуда вы...

– Все на вашем лице. Я не могу его видеть так же отдельно, как вы, но ясно наблюдаю ваш язык тела, вашу реакцию, ведь вы с ним – одно целое, помните, я говорил...

– Ага. А еще вы вроде говорили, – не без досады напомнил я, – что там есть еще какой-то... Взрослый, кажется. И что он, якобы, отвечает за работу. Так почему же он не может так же прийти и помочь мне, вмешаться? Он-то поумней меня будет, как я понял.

– Потому что в отношениях со Взрослым у вас нет проблем, и в его непосредственном появлении отсутствует нужда, в отличие от ситуации с Ребенком. У вас, похоже, произошло некое... расщепление, так, что ли, назвать. Ребенок и Родитель друг друга не слышат, каждый тянет в свою сторону, цели их взаимоисключаются. И длится это так много лет и настолько яростна ваша борьба между собой, что это стало выходить уже на физический уровень. Но психика живуча: ваш Ребенок сам привет вас сюда, в тот момент, когда почувствовал, что откладывать дальше уже критично! Вы сами пытаетесь излечить себя, хотя и не отдаете себе в этом отчета, и – более того, – Михаил посмотрел мне в глаза, – вы ведь и теперь до конца не верите, что он – это вы в детстве, признайтесь?

Я молчал, но моего безмолвия ему оказалось достаточно, чтобы, медленно кивая, словно соглашаясь с моим ответом, сделать вывод:

– Это-то его и тормозит. Вы не позволяете ему говорить, вы фактически приказываете ему молчать, потому что уверены, что его – нет. А как может говорить то, чего нет?..

Мне было нечего возразить.

– Хорошо, – сцепил психолог пальцы в замок. – Пойдем другим путем. Только прошу, – предупредил он, – не вините себя за это, такое отрицание является защитным механизмом вашей психики, а вовсе не вашим личным промахом. Что ж, затронем больные струнки...

– А может, не надо?.. – спросил я робко.

– Надо, Вячеслав, надо. Итак, повторяйте за мной, стараясь не забывать, насколько возможно, так же обращаться к Славику. – Он устроился в кресле поудобней и вдруг произнес ласковым голосом: – Ты мой хороший!

– Ты м... – я изумленно выпучил глаза.

– Ну же, повторяйте! – приободрил Михаил. – Сперва будет тяжело, покажется, что почти невозможно... Ведь вам самому давненько такого никто не говорил. Но потом пойдет легче – начните лишь, скажите пару слов...

Вздохнув и покашляв, я стал неуверенным, деревянным голосом произносить:

– Ты мой хороший... Ты умница... Ты очень способный мальчик... Отзывчивый и добрый... Я горжусь тобой...

– Он врет! – резко и бесцеремонно прервал меня Славик. – Он все врет, дядя доктор, он так не чувствует! – громко продолжал он, глядя мне прямо в глаза...

– Послушай, ты! – вскипел я. – Ты думаешь, легко мне тут комедию ломать ради того, чтобы ты не зря меня сюда притащил!! Ради твоих капризов несчастных...

– А ты думаешь, мне с тобой легко жить?! – закричал Мальчишка. – Ты считаешь, каково мне вечно выслушивать, какой я неряха и бестолочь, каково, вместо того, чтобы делать интересные дела, пить невкусную и горькую воду и скучно работать за компьютером! Каково быть всегда и во всем виноватым, даже если не виноват!!! – он истерично заревел. И тут я сделал то, чего в данный момент менее всего ожидал от себя: расплакался вместе с ним! Разум мой был в шоке, пытался всеми силами остановить это безумие, вернуть хотя бы частичный контроль... Все было тщетно: тело, слушаясь не меня, а Ребенка, содрогалось в рыданиях, слезы лились из глаз, подобно бурным потокам, прорвавшимся, наконец, через разрушившиеся стены сдерживавшей их дамбы...

В конце концов я кое-как успокоился. Подняв потрясенный взгляд на психолога, я увидел, что он, хоть и сочувствовал, был почти что счастлив. Ребенка нигде не было.

– Ну вот вы и сами озвучили все свои проблемы, поздравляю! – с сияющей улыбкой сказал Тарасов и подал мне платок. – И Славушка выплакался и исчез. Вам ведь легче? Но имейте в виду, что это – лишь начало!

– Почему-то я в этом не сомневаюсь, – пробормотал я, вытираясь дрожащими руками.

– Кстати, а позвольте нескромный вопрос: сильно ли вы выпиваете? – Заметив мое смущение, Тарасов попробовал догадаться: – Ну, стопочку-две Хеннеси... Больше? И не Хеннеси... Дениелс! Наш старый дружище Джек Дениелс... А как расчет коктейлей? Нет? Ну, пиво-то поживаете... После Джека? Помилуйте, разве так можно...

– На каком-то этапе становится все равно, да и деньги кончаются, – признался я.

– Но могли бы хоть начинать с пенного, а не портить им благородное послевкусие... И по утрам бы чувствовали себя лучше. Впрочем, этот совет вам ни к чему, поскольку первое, чего я от вас потребую, – вы полностью – слышите? – полностью прекращаете пить! Праздников впереди никаких, случаем, не намечается? Прекрасно. И второе. Вот вам домашнее задание: всю неделю до следующего сеанса вы не только начинаете свое утро с похвалы и искреннего пожелания доброго утра Малышу, но и в течение дня стремитесь как можно меньше и, главное, – конструктивнее критиковать его, а хвалить – наоборот, как можно чаще и красочнее, но, разумеется, по делу. Не беда, что вначале будет получаться как бы не от сердца, – дело привычки, как его, так и вашей. Наблюдайте внимательно его реакцию и записывайте ее в специальный дневник, это даст нам направление для дальнейшей работы.

Глава 6. «Я тоже его вижу!»

Первые дни после сеанса я с немалым удивлением чувствовал, что мне действительно полегчало. Все еще находясь в легком шоке от пережитого, я решил честно исполнять то, что сказал мне Тарасов. Едва придя домой, я подумал и вместо глупых наивных попыток «приласкать» произнес появившемуся только что Славiku похвалу, которую он, по моему мнению, реально заслужил:

– Знаешь, Слав, мне кажется, твоя идея с походом к психологу была не такой уж... бредовой. – Поистине удивительным было его выражение нечаянной радости, смешанной с какой-то робостью...

В течение оставшегося дня я, старательно делая неумелые комплименты, отчетливо видел, как они отличаются от первых искренних слов, но все же продолжал следовать намеченному плану и попутно записывал реакции Славика в блокнот. Полагаю, если бы мои записи попали кому-нибудь постороннему в руки, он от души улыбнулся бы.

«День первый. 11:30. Сказал ему про идею с психологом. Стоит, молчит, глаза круглые, чуть-чуть лыбится.»

14:00. Назвал его «хорошим мальчиком». Зырит. Молчит.

14:45. Сказал ему, что он умный. По-моему, он в шоке. Молчит, лыбится...» – И далее в таком же духе. Вскоре мои усилия начали приносить первые плоды, и в записях под заголовком «День третий» появилась следующая отметка: «Говорил ему, что он, в принципе, нормальный пацан, и, если бы не он, я бы, наверное, не знал, что такое радость. Он сказал: «Спасибо».

Первая его словесная реакция показалась мне в тот момент настоящим прорывом. Ведь, как и предсказывал Михаил, Мальчонка тоже должен был привыкнуть к новому обращению...

– Это начальная эйфория, – со знанием дела произнес Варфоломей. Они со Светозаром неотступно следили за Лисицыным, с самого момента его выхода из кабинета Михаила Тарасова.

– Что значит – начальная? – спросил Светозар. – Будут еще и другие?

– Будут, как во всякой борьбе с собой – и взлеты, и падения... Ну, ты же в курсе прописных истин. Жизнь духовная в этом плане ничем не отличается от психической. Пока его надолго не хватит: скоро вновь на старую дорожку свернет.

Видя опечалившегося приятеля, Варфоломей добавил: – Только не говори, что не знал этого. Понимаю, ты вовсе не уверен, что он из очередной ямы «падения» выберется... О, – посетила вдруг его мысль, – а давай-ка опять поможет ему, но на этот раз зайдем с другой стороны, – подмигнул он заговорщически...

К огромному моему сожалению и горькому разочарованию Славика дольше трех дней я себя сдерживать не сумел.

Началось все с просыпанной на кухне банки растворимого кофе. Ползая с веником в руке и пытаясь вымести остатки порошка из труднодоступных мест, я, как мог мягко, все же выговаривал Ребенку:

– Вот видишь, просыпал, ты меня отвлек, теперь корячиться надо...

Пока что Славик просто растерянно молчал, но, когда в следующий раз я по давней привычке как следует обругал его в магазине за забытый дома кошелек, он здорово расстроился и всерьез надулся... На другой день я чудом сообразил остановиться вовремя, распекая его за ошибку в заполнении квитанции в банке: благо, живо вспомнил, чем грозит мне вновь довести его до слез.

«Блин, а ведь все так хорошо начиналось», – досадовал я про себя. Держу пари, в тот момент мысли наши были схожи...

Стояла глубокая ночь. В спальне на шестом этаже девятиэтажки по центральной улице, на теплой постели под уютным одеялом сладко спал Михаил Григорьевич Тарасов, готовясь во сне к завтрашней очередной встрече с чудным пациентом, видящим, как он утверждает, воочию свою детскую составляющую...

Варфоломей и Светозар стояли у изголовья психолога.

– А с ним все будет хорошо? Он точно выдержит? – опасливо спросил Светозар. Варфоломей тихонько усмехнулся:

– Уж поверь, психика у него у него явно покрепче, чем у твоего бедолаги, и коль уж тот более-менее справляется... А теперь – тихо, не мешай мне. Второй раз, если сейчас не получится, разрешения могут и не дать.

Склонившись над спящим человеком, Хранитель сосредоточенно простер руки и, шепча молитву, слегка коснулся его головы. Мягкое золотистое свечение показалось из-под кончиков пальцев Ангела и чуть отпугнуло окружающую мглу...

Громко хрюкнув в ответ, Михаил снова сладко засопел. Варфоломей распрямился:

– Порядок. Завтра он его увидит.

– А дальше что будем делать? – осведомился наблюдавший с интересом Светозар.

– А дальше, – товарищ хлопнул его по спине, – будем действовать по обстоятельствам!

Я как манны небесной ждал следующего сеанса. Отношения мои со Славиком вконец испортились, а перенести встречу на более раннее время у Тарасова не было возможности. Ситуация стала еще хуже, чем прежде. Если раньше я несколько побаивался невесть откуда появившегося Ребенка, то теперь, когда мне расшифровали, кто он есть, мое обращение к нему стало откровенно фривольным. И главная беда заключалась в том, что, даже соберись я, вряд ли смог что-нибудь сделать: меня просто ужас как бесил невыносимый Мальчишка.

«Проклятый Пятилетка... Свалился на мою голову, чего ему в подкорке не сидится...» – была моя самая, пожалуй, частая мысль в то время.

И посему меня совершенно не удивило, когда в назначенный мы, едва продрав глаза, поняли, что думаем об одном и том же: надо срочно бежать к Тарасову. Мы оба чувствовали, что лишь этот человек сумеет помочь нам избавиться друг от друга...

В дверь кабинета постучали. Михаил поднялся с кресла и подошел открыть. Ожидавшие в стороне Хранители переглянулись.

Отворив дверь, Тарасов сперва несколько секунд в молчаливом удивлении переводил взор с меня на Ребенка и обратно. Видно было, что он теперь каким-то образом тоже замечал Славика и сам был озадачен этим фактом не меньше нашего.

– Так вот, как ты выглядишь, – с улыбкой произнес он наконец. – Ну, здравствуй, Малыш, заходи скорей! – И проследил взглядом за проشمывнувшим впереди меня Славиком.

– Привет! Да, я такой, – ответил довольный Мальчуган. – А ты меня видишь? Теперь-то ты за меня заступишься, а то вот он, – маленький указательный пальчик устремился в мою сторону, – опять ругается.

– Та-ак, Дитенок снова жалуется на вас, – шутливо обратился ко мне психолог.

– Вы... его...

– Да, представьте себе, я тоже его вижу! – с сияющим взглядом подтвердил он. Подобно контрастному душу, вместе с шоком я испытал неимоверное облегчение: во-первых, я точно не ненормальный, а во-вторых, Тарасов будет непосредственным свидетелем того, что терпеть неуклюжего Шкета просто нереально!

– Знаете, очень интересное ощущение, – сообщил с удовольствием психолог. – Между прочим, зря вы так напрягаетесь!

– Интересное, – проворчал я, бесцеремонно стогая с кушетки Славика и ложась сам. – Только не тогда, когда касается вас лично и портит вам нервы.

– Да будет вам, где ж такой замечательный Мальчишечка нервы-то может портить! – умиленно засмеялся Михаил. – А насчет своего – не своего... Скажите, Вячеслав, вы детей любите?

– Детей?.. Ну...

– Ну вот позволили бы вы себе не то, что воплотить в жизнь – даже представить на минуту, будто вы говорите все то, что выслушивает этот бедняжка, – сочувственный взгляд, адресованный Славику, – каждый Божий день, какому-нибудь другому, чужому ребенку или даже своему собственному, будь он у вас?..

– Не-е, – протянул я, – тут случай другой, эти живые, настоящие, да и подсудное дело.

– Так, – изумленно приподнял он бровь. – Значит, по-вашему, «менее реальный» Славик не заслуживает человеческого отношения по сравнению с обычными живыми детишками. А почему вы решили, что он вообще менее реален, чем они?!

– Да нет же, – поспешил я исправить ситуацию, – здесь дело не в том, это ж я, я себя знаю, а это – другие... Даже если это мой, он все равно другой, понимаете...

– Не понимаю, – откровенно произнес Тарасов. – Зачем делать различия между собой и другими людьми? Ведь вы тоже человек!

– А сколько я ему это вдалбливал... – вздохнул Светозар.

– Все не так просто, – ответил опытный Варфоломей. – Тут в действии довольно тонкая форма гордыни – полубессознательное отделение себя от остального человечества, обособленное самовосприятие под видом благородных идей и страданий... А ты прекрасно знаешь, как тяжело вытравливается гордыня из человеческой души: ведь, фактически, это основа всей теперешней их природы, после той трагедии с их предками в Эдеме. Гляди-ка, он сейчас скажет, что был бы законченным мерзавцем, если бы постоянно «не держал себя в рамках». – Вячеслав что-то произнес. – Ну вот, слышишь?

– Но это же глупо! – с сердцем воскликнул Светозар. – Кто же он сейчас, в таком случае? Ругается, пьет, ненавидит... Неужто святой?! Как будто его ужасное отношение к самому себе что-то меняет! Да, меняет, причем в худшую сторону! Он же вообще Замысел Творца коверкает!

– Вот это-то, – прервал пылкий монолог младшего товарища Варфоломей, – мы с тобой и должны ему донести, ради этого и применяются такие, – он кивнул в сторону Славика, – серьезные средства. А пока он не в курсе того, что на самом деле творит, – его грех не слишком большой, не беспокойся. По неведению не так страшно. Главное – нам теперь не отступать...

Признаться честно, для меня несколько дико звучала мысль, что я ничем не отличаюсь от других людей, что окружающие косячат и ошибаются так же или порой даже больше, чем я, и что я могу заслуживать (и заслуживаю!) ничуть не меньшей ласки и ободрения, чем они, даже если ничего особенного не сделал, – просто, по праву рождения, ведь я по-любому являюсь уникальной личностью и обладаю чем-то своим, чем не обладает больше никто в мире...

Все это Тарасов объяснял мне более получаса, а Славик, сидя рядом, раскрыв рот слушал его лекцию. Наверное, я тоже рот раскрыл, судя по ощущавшейся сухости в конце.

– Так что следующее домашнее задание, – подытожил Михаил по окончании сеанса. – Опять стараться не критиковать Славика, а хвалить, или просто говорить приятные вещи, записывать реакцию и – вдобавок – перечислить в письменном виде ваши уникальные черты, таланты – не стесняясь, как можно больше, что вспомнится. Про отношения с Ребенком: попробуйте на этот раз вести себя так, будто он реальный, но чужой ребенок, тогда вы не посмеете его больше оскорблять. В дальнейшем, как только вы научитесь с ним сотрудничать в таких условиях, мы сократим между вами дистанцию и представим, что он – свой, и так постепенно мы доберемся до состояния, в котором он станет восприниматься неотъемлемой частью вас... В конце концов вы полностью примете его, и он исчезнет, так как ему больше не нужно будет доказывать свою реальность и право на жизнь. Это и является нашей конечной целью

– чтобы вы, – он взглянул на нас со Славиком поочередно, – перестали воевать и слились в единое целое.

– А как же мне быть, – спросил я, – если его реально понадобится контролировать? А то дел наделает, он ж ребенок...

– Нужен конструктив, – ответил Тарасов и пояснил: – Конструктивная критика – та, которая имеет своей задачей исправление дела, а не оскорбление и унижение – то есть, не нагнетание отрицательных эмоций. Вам с Ребенком необходимо научиться работать на единые цели вместе, как детали четкого механизма, незаменимые каждая сама по себе, но друг без друга мало на что способные. Понаблюдайте: я уверен, что, когда мысли и чувства ваши схожи, в унисоне, Славик исчезает, вернее, вновь соединяется с вами, ведь вы его не отвергаете в такие моменты, а вполне принимаете. Понаблюдайте, – повторил он на прощание и помахал ручкой Славику. Счастливый Малыш помахал в ответ.

Глава 7. Забытая рана. Прорыв

...Тарасов в задумчивости вертел ручку в пальцах, слушая мой подробный отчет о прошедшей неделе. Успехи все еще с трудом давались мне, к тому же, казалось, Славик порой вовсе отказывался мне помогать. Понимая, что он всего лишь ребенок, и большой ответственности от него ждать не приходится, с другой стороны я ясно осознавал, что без него точно не справлюсь, и на данный момент не видел выхода.

– Выход всегда есть, – успокаивающе произнес Михаил. – Скажите, когда у вас наступают затруднительные минуты, нет ли ощущения, что вы что-то не хотите услышать или понять из того, что пытается донести вам Славик?

– Да чего тут можно донести?! – возмутился я. – Нет бы просто сказать: ну, извини, мол, руки у меня не из того места растут, криво полку прибил...

– Просто я постоянно вижу скрытое напряжение в его глазах, – пояснил Тарасов и улыбнулся: – Вы же помните, я его тоже вижу, мне теперь легче, от меня мало что утаивается. Славушка, он тебя измучил? Ты многое хотел бы поведать, правда? – посочувствовал он и добродушно предложил: – А может, мне расскажешь? Можешь на ушко, он не услышит и ругаться не будет, обещаю.

Эти мягкие уговоры привели лишь к тому, что Славик метнул на меня боязливый и недоверчивый взгляд и вновь молча устался на психолога.

– Та-ак, – выдохнул Тарасов и потер лоб. – Поговорите-ка вы с ним. Пообщайтесь, я хочу видеть, как это у вас происходит. – Он выжидающе скрестил руки. Я, усмехнувшись, обратился к Мальчишке:

– Че, понравилось сегодня мороженое? Правда, я на тебя снова наорал... мысленно... когда ты его уронил. Ну ты сам виноват, растяпа, надо ж было смотреть...

– Стоп, – хлопнул в ладоши Михаил, не дав Ребенку расплакаться. – Вы его опять третируете.

– Да потому что... – раздраженно цыкнул я.

«Дело ясное, он сам себя на дух не переносит. Но почему...» – размышлял Тарасов, глядя на обе враждующие Ипостаси своего клиента: Родителя с презрительно поднятой верхней губой и Ребенка с обиженно опущенной нижней...

– Нет... – произнес вдруг в глубокой задумчивости Михаил, заставив нас отвлечься от взаимных претензий. – Нет, тут что-то не то... – Он машинально погрыз авторучку, которой записывал наши «показания». На некоторое время воцарилось молчание...

– Подскажи ему, а? – тербил за руку Светозар Варфоломея. – Подскажи, ему трудно!
– Сейчас, сейчас, пусть еще поищет, – внимательно прищурил глаза Хранитель психолога. – Сейчас... вот... Все, можно! – И, ловко подскочив к подопечному, он что-то шепнул ему на ухо...

– Хм... – Тарасов пристально поглядел на Славика. – Тут что-то не так... – Несколько секунд он силился понять, что конкретно. Вдруг в глазах его зажглась искра, и он, наклонившись поближе к Ребенку, ласково спросил:

– Славущка, милый, а не припомнишь ли ты, может, у вас с дядей Славой что-то стряслось?

– Мало ли чего у него стряслось, – буркнул я. – Это же не повод портить мне жизнь.

– Вот именно, что повод! – воскликнул, ясно взглянув на меня, Тарасов. – Посудите сами: вы, совершая в повседневной жизни какие-то ошибки или вполне осознанные действия, которые сначала ошибкой не считаете, – например, такие, как выпивка, которую я вам, помнится, запретил...

Я съезился от легкого стыда:

– Откуда вы узнали?..

– По вашей реакции на это слово, – внимательно глядя на меня, ответил он. – Главное, что я уже вторую неделю вижу вашего Ребенка и все никак не могу свободно поговорить с ним, так как он постоянно замыкается. Почему? Совершая, как я уже сказал, ошибки в повседневной жизни, вы неизменно вините в них Славика, вы срываетесь на нем, тогда как, я уверен, очень часто вы с ним оказываетесь совсем не виноваты в том, что случается. Однако раз за разом на него сыплется град самых жестоких и обидных высказываний, – не правда ли, мой дорогой? – да таких, которых не заслужил бы и реально провинившийся взрослый, что уж говорить о пятилетнем малыше. Вы фактически, делаете его козлом отпущения! Абстрагируйтесь, взгляните со стороны: вы не находите здесь ничего странного?..

Этот его вдумчивый вопрос вдруг как будто протрезвил меня. Серьезно, что такого сделал мне бедный Славик, что я так нещадно ору на него? Да еще смакуя каждое оскорбление...

А потом я представил себе, как вновь что-то нечаянно разбиваю или ломаю, и почувствовал, что просто не в состоянии сдержаться... Сделанное открытие изумило меня.

– Михаил, я не могу... Не могу на него не орать, – признал я. Психолог поднял палец вверх, давая понять, что я сам только что произнес один из ключевых моментов:

– По-че-му? По какой причине у вас не выходит разорвать этот порочный круг – ведь, согласитесь, чем больше вы злитесь на Ребенка, тем больше ошибаетесь, тем больше испытываете вину – и снова злитесь! Что не дает вам прекратить все это? Что-то же не дает, верно? Что-то стопорит лечение, несмотря на наши общие усилия...

Михаил замолчал, видимо, предоставляя мне время подумать. Я мог лишь растерянно пожимать плечами, зато Славик...

Когда я случайно взглянул на него, мне стало не по себе. В глазах его читалась какая-то дикая смесь страха, вины, боли, обиды, недоумения и мольбы о помощи... Я отвернулся и сглотнул.

– Ничего не хотите мне рассказать? – поинтересовался Тарасов, также прекрасно видевший выражение лица Ребенка.

– Я... не знаю, – пробормотал я в замешательстве. Для меня самого была тайной причина такой расстроенности Славика.

– Ясно. Может, ты что-то знаешь? – мягко обратился Тарасов к Мальчонке. – Не бойся, расскажи все, как было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.